

§ III. Применение закона пропорциональности стоимостей

Любой продукт является репрезентативным признаком труда. Любой товар можно, следовательно, обменять на другой, и повсеместная практика это доказывает. Но исключите труд: у вас останутся только более или менее крупные утилиты, которые, не будучи носителями ни какого-либо экономического характера, ни какого-либо человеческого признака, несоизмеримы друг с другом, то есть, логически, не способны к обмену.

Деньги, как и любой другой товар, являются репрезентативным признаком труда: на этом основании они могли выступать в качестве общего оценщика и посредника в сделках. Но особая функция, которую использование отводит драгоценным металлам в качестве торгового агента, является чисто условной, и любой другой товар мог бы, возможно, менее удобно, но столь же достоверным образом выполнить эту роль: экономистам это известно, и тому есть более, чем один пример. В чем причина такого предпочтения, которое обычно отдается металлам, чтобы служить в качестве денег, и как объясняется эта особенность функции денег, не имеющая аналогов в политической экономии? Потому что все уникальное и непревзойденное в своем роде по этой самой причине более сложно для понимания, часто даже не складывается вообще. Теперь, возможно ли восстановить цепочку, из которой, кажется, деньги были отделены, и, следовательно, вернуть их к первооснове?

По этому вопросу экономисты, по своей привычке, вышли из сферы своей науки: они занялись физикой, механикой, историей и т. д.; они говорили обо всем и не отвечали. Драгоценные металлы, говорили они, своей редкостью, плотностью, нетленностью, представляли в качестве монет удобства, которые невозможно было встретить в таком же объеме в других товарах. Короче говоря, экономисты вместо того, чтобы отвечать на поставленный перед ними экономический вопрос, принялись рассматривать вопросы искусства. Они очень хорошо оценивали механическую способность золота и серебра служить в качестве денег; но что никто из них не видел и не понимал, — это экономическую причину, которая определила привилегию, используемую драгоценными металлами.

Теперь, то, что никто не заметил, что из всех товаров именно золото и серебро являются первыми, чья стоимость появилась одновременно с ее определением (с тем, как появилась сама стоимость). В патриархальный период золото и серебро все еще торгуются и обмениваются в слитках, но уже с видимой тенденцией к доминированию и с явным предпочтением. Мало-помалу феодалы присваивают металл и прикрепляют к нему свою печать: и из этого суверенного посвящения рождаются деньги, то есть товар,

превосходящий то, что, несмотря на все потрясения торговли, сохраняет определенную пропорциональную стоимость и принимается при любом платеже.

На самом деле деньги отличают не твердость (золота и серебра), она меньше стали; ни его полезность, она гораздо ниже, чем у пшеницы, железа, угля и множества других веществ, ценность которых, как считается, меньше золота; — это не дефицит и не плотность: и то, и другое можно дополнить либо работой, выполняемой для других материалов, либо, как сегодня, банковской бумагой, представляющей огромные груды железа или меди. Отличительная черта золота и серебра, повторяю, заключается в их металлических свойствах, в трудностях их производства и, прежде всего, благодаря вмешательству государственной власти, у них появился шанс на превосходство в качестве товаров, на постоянство и аутентичность.

Поэтому я говорю, что стоимость золота и серебра, в частности той части, которая идет на изготовление монет, хотя, возможно, эта стоимость еще не рассчитана строгим образом, больше не имеет ничего произвольного; я добавляю, что она больше не подвержена амортизации, как другие стоимости, хотя, однако, может постоянно меняться. Все затраты на рассуждение и изучение, которые мы сделали, чтобы доказать на примере денег, что стоимость является чем-то принципиально неопределимым, — все это паралогизмы, проистекающие из ложного представления о проблеме, *ab ignorantia elenchi* (из игнорирования аргумента).

Филипп I, король Франции, смешивает, согласно турнирным книгам Карла Великого, треть сплава, представляя, что только он, обладающий монополией на изготовление монет, может делать то, что и любой трейдер, имеющий монополию на ту или иную продукцию. В самом деле, что же такое изменение валют, столь раскритикованное Филиппом и его преемниками? рассуждение, которое является очень правильным с точки зрения коммерческой рутины, но очень ложным в экономической науке, а именно, что с помощью предложения и спроса, являющихся источником формирования стоимостей, можно, либо создавая искусственный дефицит, либо монополизировав производство, заставить повышаться цены и, следовательно, менять стоимости вещей, и что это так же верно для золота и серебра, как и для пшеницы, вина, масла, табака. Однако о мошенничестве Филиппа заподозрили не ранее, чем цена его валюты оказалась сниженной до ее реальной стоимости, и чем он сам потерял все, что, как он думал, он получил в результате своих операций. То же самое происходит после всех аналогичных попыток. Откуда взялся этот просчет?

По словам экономистов, благодаря подделке количество золота и серебра на самом деле не уменьшилось и не увеличилось, соотношение этих металлов с другими товарами не изменилось, и, следовательно, не во власти монарха было заставить в государстве стоять 4 единицы то, что до того стоило 2. Можно даже предположить, что, если бы вместо изменения валют король мог удвоить их массу, обменная стоимость золота и серебра немедленно снизилась бы в половину — по причине соразмерности и баланса. Таким образом, изменение валюты было, со стороны короля, принудительным займом, или, скажем лучше, банкротством, мошенничеством.

Замечательно: экономисты очень хорошо объясняют, когда хотят, теорию измерения

стоимостей; для этого достаточно склонить их к обсуждению денег. Как же тогда они не видят, что деньги — это писанный закон торговли, тип обмена, первое звено в этой длинной цепочке творений, которые все под названием товаров должны получить общественное разрешение и стать если не по факту, то хотя бы по праву принятыми как валюта на любом рынке?

«Валюта, — очень хорошо сказал г-н Огье, — может служить шкалой наблюдения за состоявшейся торговлей или хорошим инструментом обмена только в случае, если ее стоимость постоянно стремится к идеалу; потому что она всегда меняет и покупает только по той стоимости, которой она сама обладает» (История государственного кредита).

Давайте сведем это чрезвычайно разумное наблюдение в общую формулу.

Труд становится гарантией благополучия и равенства тогда, когда продукт каждого человека пропорционален массе: потому что он никогда не меняет и не покупает, кроме как по стоимости, равной той, которая заключена в нем самом.

Не странно ли, что мы решительно защищаем ажиотажника и фальсификатора, и в то же время указываем на попытку монарха-фальшивомонетчика, который, в конце концов, только присвоил деньгам фундаментальный принцип политической экономии, состоящий в произвольной нестабильности стоимостей? Что когда управляющие советуют отдавать 750 граммов табака по цене килограмма, экономисты кричат о воровстве; — но если тот же управляющий, пользуясь своей привилегией, увеличит цену за килограмм на 2 франка, они обнаружат, что это дорого, но не увидят ничего, что противоречит принципам. Какая путаная эта политическая экономия!

Есть, следовательно, в монетизации золота и серебра нечто большее, чем сообщают экономисты: есть освящение закона пропорциональности, первого акта определения стоимостей. Человечество оперирует во всем бесконечными градациями: усвоив, что все продукты труда должны подчиняться определенной пропорции, которая делает их одинаково взаимозаменяемыми, оно начинает с присвоения этого характера абсолютной взаимозаменяемости особому продукту, который станет для него типом и шефом для всех остальных (продуктов). Таким образом, чтобы поднять членов общества к свободе и равенству, оно начинает с создания королей. Люди испытывают смущение от этого провиденциального процесса, поскольку в своих мечтах о счастливой судьбе и в своих легендах они всегда говорят о золоте и королевской власти; и философы лишь воздают должное универсальному разуму, поскольку в своих так называемых духовных проповедях и социальных утопиях они выступают с равным шумом против золота и тирании. *Auri sacra fames!* (Священная жажда золота!) Чертово золото! — забавно кричит коммунист. С таким же успехом можно сказать: чертова пшеница, чертовы лозы, чертовы овцы; поскольку, как золото и серебро, вся коммерческая стоимость должна прийти к точному и строгому определению. Дело идет с давних пор: сегодня оно заметно прогрессирует.

Перейдем к следующим соображениям.

Аксиома, общепринятая экономистами, заключается в том, что всякая работа должна оставлять излишек.

Это утверждение является для меня универсальной и абсолютной истиной: это следствие закона пропорциональности, который мы можем рассматривать как краткое изложение всей экономической науки. Но, прошу прощения у экономистов, принцип, что *всякая работа должна оставлять излишек*, не имеет смысла в их теории и не поддается никакой демонстрации. Как, если предложение и спрос являются единственным правилом формирования стоимостей, мы можем распознать, что *излишне*, а чего *достаточно*? Ни себестоимость, ни цена продажи, ни заработная плата не могут быть определены математически, как же тогда можно спрогнозировать излишки, прибыль? Коммерческая рутина дала нам и термин, и идею прибыли: и поскольку мы политически равны, мы заключаем, что каждый гражданин имеет равное право на получение прибыли в своей личной сфере деятельности. Но торговые операции по своему существу беспорядочны, и было доказано безапелляционно, что коммерческие прибыли являются лишь произвольным и вынужденным сбором производителя с потребителя, смещением одним словом, чтобы не сказать хуже. Это то, что мы вскоре увидели бы, если бы можно было сравнить общие цифры ежегодного дефицита с ростом прибылей. В смысле политической экономии принцип, согласно которому *всякая работа должна оставлять излишек*, есть не что иное, как освящение конституционного права, которое мы все получили в результате революции, на кражу будущего.

Только закон пропорциональности стоимостей может объяснить причину этой проблемы. Я поставлю вопрос немного выше: она достаточно серьезна, чтобы я отнесся к ней с серьезностью, которой она заслуживает.

Большинство философов, как и филологов, видят в обществе лишь существо разума, или, лучше сказать, абстрактное имя, используемое для обозначения собрания людей. Это предрассудок, который мы все получили с детства на наших первых уроках грамматики, что собирательные названия, названия рода и вида не обозначают реальности. По поводу этой главы можно было бы твердо заметить: я погружаюсь в свой предмет. Для истинного экономиста общество — это живое существо, наделенное собственными разумом и деятельностью, управляемое особыми законами, которые можно обнаружить наблюдением и существование которых проявляется не в физической форме, но через соглашение и близкую солидарность всех его участников. Итак, когда раньше под эгидой легендарного бога мы создавали аллегория общества, наш язык был в основном не метафорическим: это было социальное существо, единство органическое и синтетическое, которому мы только что дали название. В глазах любого, кто размышлял о законах работы и обмена (я оставляю в стороне все другие соображения), реальность, я почти сказал — личность человека коллективного так же определена, как реальность личности отдельного человека. Разница лишь в том, что один чувствуется как организм, части которого находятся в материальной согласованности, — обстоятельство, которого нет в обществе. Но разум, спонтанность, развитие, жизнь, все, что составляет в высшей степени реальность бытия, столь же важно для общества, как и для человека: и откуда получается, что управление обществами является *наукой*, то есть изучением естественных отношений; а не искусством, то есть не прекрасной и произвольной забавой. Отсюда, наконец, следует, что любое общество деградирует, как только попадает в руки идеологов. Принцип, согласно которому *всякая работа должна оставлять излишек*, недоказуемый для политической экономии, то есть для рутины собственности, является одним из тех, которые больше всего свидетельствуют в пользу реальности коллективного человека: поскольку, как мы увидим далее, этот принцип

справедлив для индивидуумов, потому что он исходит от общества, что, таким образом, предоставляет им выгоду от его собственных законов. Перейдем к фактам. Было отмечено, что железнодорожные компании являются гораздо меньшим источником богатства для предпринимателей, чем для государства. Наблюдение правильное; и следовало добавить, что это относится не только к железным дорогам, но и к любой отрасли. Но это явление, которое по существу вытекает из закона пропорциональности стоимостей и абсолютной идентичности производства и потребления, не объяснимо обычным представлением о полезной стоимости и обменной стоимости. Средняя цена за перевозку товаров по земле составляет 18 сантимов за одну тонну-километр, от двери до двери. Подсчитано, что по этой цене обычное железнодорожное предприятие получит не более 10% [146] чистой прибыли, результат, примерно равный таковому в перевозках по земле.

Но допустим, что оперативность перевозки по железной дороге соотносится к оперативности перевозки по земле, всё включено, так же, как 4 относится к 1: поскольку в обществе время — это деньги, при равной цене железная дорога будет превосходить перевозки по земле на 400%. Однако это огромное преимущество, весьма реальное для общества, далеко от реализации в такой же пропорции для управляющего железной дорогой, поскольку он, заставляя общество пользоваться преимуществом в 400%, сам получает 10% [147]. Предположим, на самом деле, чтобы сделать вопрос более осмысленным, что железная дорога удерживает свой тариф на уровне 25 сантимов, в то время перевозки по земле останутся на уровне 18; он (управляющий) мгновенно потеряет все свои сбережения. Отправители, получатели, все потеряют [148], если хотите. Локомотив опустеет; социальный эффект в 500% будет принесен в жертву частным потерям в объеме 35%.

Причину этого легко уловить: преимущество, которое вытекает из скорости железной дороги, является полностью социальным, и каждый участвует в нем лишь в минимальной пропорции (давайте не будем забывать, что речь идет в настоящий момент только о перевозке товаров), при этом потери наносят непосредственный и личный ущерб потребителю. Социальный эффект, равный 400%, представляет для человека, если общество состоит только из миллиона человек, четыре десятитысячных; в то время как потеря 33% для потребителя предполагает социальный дефицит в размере тридцати трех миллионов. Частный интерес и коллективный интерес, которые на первый взгляд так отличаются, совершенно идентичны и адекватны: и этот пример уже можно использовать для объяснения того, как в экономической науке все интересы согласованы.

Таким образом, для того, чтобы компания получила прибыль, указанную выше, абсолютно необходимо, чтобы железнодорожный тариф не превышал или очень мало превышал цену перевозок по земле.

Но для того, чтобы это условие было выполнено, иными словами, чтобы железная дорога была коммерчески выгодной, нужно, чтобы транспортируемых товаров было в изобилии, чтобы по крайней мере покрывать проценты используемого капитала и затраты на техническое обслуживание. Таким образом, первое условие существования железной дороги — это объемное обращение, которое предполагает еще более объемное производство, большую массу обменов.

Но производство, обращение, обмены — это не вещи, которыми можно импровизировать; кроме того, различные формы труда развиваются не изолированно и независимо друг от друга: их развитие обязательно связано, сплочено, пропорционально. Антагонизм может существовать между промышленниками: социальное действие, невзирая на это, — объединенное, конвергентное, гармоничное, одним словом, индивидуальное. Итак, наконец, наступил день создания великих рабочих инструментов; тот самый, где общее потребление может поддержать занятость, поскольку все его предложения переводятся, тот, в который обозримая работа может загрузить новые машины. Предвидеть час, отмеченный прогрессом в работе, это значит подражать тому безумцу, который, спускаясь из Лиона в Марсель, заставил отплыть пароход для него одного.

Эти пункты продемонстрировали, что нет ничего проще, чем объяснить, как работа должна оставлять для каждого производителя излишек.

И, во-первых, что касается общества: Прометей [149], выходящий из лоно природы, пробуждается к жизни в инерции, полной очарования, но которая вскоре станет страданием и пыткой, если он не поспешит выйти из этого посредством работы. В этой изначальной праздности продукт Прометея равен нулю, а его благополучие идентично благополучию животного и может быть представлено как нуль.

Прометей приступает к делу: и с его первого дня, первого дня второго творения, продукт Прометея, то есть его богатство, его благополучие, равно 10.

На второй день Прометей делит свою работу, и его продукт становится равным 100.

На третий день и каждый последующий день Прометей изобретает машины, обнаруживает новые возможности в телах, новые силы в природе; сфера его существования простирается от области чувственного до сферы морали и разума, и с каждым шагом, который делает его промышленность, цифры производства возрастают и позволяют ему поздравлять себя (с этим ростом). И поскольку, наконец, для него потреблять — значит производить, ясно, что каждый день потребления, переваривающий лишь продукт предыдущего дня, оставляет избыток продукта на следующий день.

Но давайте также отметим, давайте отметим, прежде всего, главное, заключающееся в том, что благосостояние человека является прямым следствием интенсивности труда и разнообразия отраслей промышленности, так что рост богатства и прирост рабочей силы носят относительный и параллельный характер.

Говорить сейчас, что каждый участвует в этих общих условиях коллективного развития, значит утверждать истину, которая в силу доказательств может показаться глупой. Давайте, скорее, укажем на две основные формы потребления в обществе.

У общества, как и у индивида, есть свои объекты персонального потребления, объекты, в которых со временем мало-помалу оно начинает чувствовать необходимость и которые его таинственные инстинкты заставляют создавать. Таким образом, в средние века для большого числа городов наступил решающий момент, когда строительство ратуш и соборов стало насильственной страстью, которую нужно было удовлетворить любой ценой;

существование общества зависело от этого. Безопасность и сила, общественный порядок, централизация, национальность, родина, независимость — вот что составляет жизнь общества, всех его умственных способностей; это чувства, которые должны были найти свое выражение и отличие. Таково было предназначение Иерусалимского храма, истинной драгоценности еврейского народа; таким был храм Юпитера — Капитолий в Риме. Позднее, за городским дворцом и храмом, органами, так сказать, централизации и развития, появились другие общественно полезные объекты — мосты, театры, больницы, дороги и т.д.

Памятники общественной пользы, являющиеся по существу общедоступными и, следовательно, бесплатными, общество заведомо наделяет политическими и моральными преимуществами, которые вытекают из этих выдающихся произведений и которые, предоставляя гарантии для безопасности и идеалы для ума, запечатлевают новый расцвет в промышленности и искусстве.

Но все иначе с объектами внутреннего потребления, которые единственно попадают в категорию обмена: они могут быть произведены только на условиях взаимности, которые допускают их потребление, то есть немедленное возмещение, с прибылью для производителей. Эти условия мы раскрыли в достаточной степени в теории пропорциональности стоимостей, которую в равной степени можно также назвать теорией постепенного сокращения себестоимости.

Я показал теорией и фактом, что *всякая работа должна оставлять излишек*; но этот принцип, столь же бесспорный как арифметическая формула, все еще далек от повсеместной реализации. В то время, как благодаря прогрессу коллективного производства каждый день персональной работы добивается все более объемного выпуска, и, в качестве необходимого следствия, в то время, как работник с той же зарплатой должен становиться богаче с каждым днем, в обществе есть состояния, которые *увеличиваются*, и другие, которые *уменьшаются*; работники с двойной, тройной и стократной зарплатой и другие с дефицитом; наконец, повсюду есть те, которые наслаждаются, и другие, которые страдают, и, благодаря чудовищному разделению промышленных прав, люди, которые потребляют, но не производят. Распределение благосостояния следует за всеми изменениями стоимости и воспроизводит их в нищете и роскоши в пугающих размерах и с пугающей энергией. Но везде также рост богатства, то есть пропорциональность стоимостей, является доминирующим законом; и когда экономисты противопоставляют сетованиям социальной партии постепенное увеличение общественного благосостояния и смягчение состояния наиболее неимущих классов, они провозглашают, не подозревая об этом, истину, которая является осуждением их теорий.

Поскольку я призываю экономистов на минуту задуматься в тишине сердец, вдали от предрассудков, которые их беспокоят, и независимо от того, какой работой они заняты или ожидают, интересов, которые они обслуживают, голосований, на которые они рассчитывают, различий, от которых сотрясается их тщеславие: пусть они скажут, признавали ли они, вплоть до сегодняшнего дня, принцип, что *всякая работа должна оставлять излишек*, со всей цепочкой предварительных условий и последствий, о которых мы сообщили; и не подразумевали ли они под этими словами права жонглировать стоимостями, манипулируя спросом и предложением? не правда ли, что они подтверждают одновременно, с одной стороны, рост богатства и благосостояния и, следовательно,

возможность измерения стоимостей; с другой стороны, произвол коммерческих сделок и неизмеримость стоимостей, то есть все самое противоречивое? Разве не благодаря этому противоречию мы постоянно слышим на лекциях и читаем в работах по политической экономии эту абсурдную гипотезу: *если цена ВСЕХ вещей была удвоена...* Как будто цена всех вещей не была пропорциональной этим вещам, и как будто можно удвоить пропорцию, соотношение, закон! Разве, наконец, не в силу собственнической несправедливой рутины, защищаемой политической экономией, каждый участвующий в торговле, промышленности, искусстве и госслужбе, под предлогом услуг, оказываемых обществу, постоянно стремится преувеличивать свою значимость, домогается вознаграждений, субвенций, больших пенсий, высоких гонораров: как если бы вознаграждение за любую услугу не фиксировалось бы необходимым образом суммой расходов на нее? Почему экономисты не распространяют изо всех сил эту простую и яркую истину: Труд каждого человека может обрести только ту стоимость, которую он содержит (в себе), и эта стоимость пропорциональна услугам всех других работников; если, как им кажется, работа каждого должна оставить излишек?...

Но вот последнее соображение, которое я изложу в нескольких словах.

Ж.-Б. Сэй — единственный из всех экономистов, кто больше всего настаивал на абсолютной неопределимости стоимости, — также и тот, кто приложил максимум усилий, чтобы опровергнуть это предположение. Именно он, если я не ошибаюсь, является автором формулы: *Любой товар заслуживает того, что он стоит*, или, что то же самое, *товары покупаются вместе с товарами*. Этот афоризм, полный эгалитарных последствий, с тех пор оспаривался другими экономистами; мы по очереди рассмотрим то, что его подтверждает, и то, что его отрицает.

Когда я говорю: каждый продукт стоит того, что стоит, это означает, что каждый продукт представляет собой коллективную единицу, которая в новой форме группирует определенное количество других продуктов, потребляемых в различных количествах. Отсюда следует, что продукты человеческой промышленности по отношению друг к другу являются *родами и видами*, и что они образуют ряд от простого к сложному, в соответствии с количеством и соотношением элементов, эквивалентных между собой, которые составляют каждый продукт. На данный момент не имеет значения, что этот ряд, равно как и эквивалентность его элементов, на практике более или менее точно выражен балансом заработной платы и благосостояния: речь идет прежде всего об отношениях внутри вещей, относящихся к экономическому закону. Ибо здесь, как всегда, идея сначала самопроизвольно порождает факт, который затем распознается мыслью, которая его породила, постепенно исправляется и определяется в соответствии с ее принципом. Торговля, свободная и конкурентоспособная, является лишь длительной восстановительной операцией, цель которой состоит в том, чтобы выявить пропорциональность стоимостей, в ожидании, пока гражданское право ее примет и сделает правилом состояния людей. Поэтому я говорю, что принцип Сэя — *Каждый продукт стоит того, что он стоит* указывает на ряд того, что произведено человеком, аналогично рядам животных и растений, в котором элементарные единицы (рабочие дни) считаются равными друг другу. Таким образом, политическая экономия утверждает с самого начала, через противоречие, то, что ни Платон, ни Руссо, ни какой-либо другой древний или современный публицист не считали возможным, — равенство условий и состояний.

Прометей становится по очереди пахарем, виноделом, пекарем, ткачом. Какой бы профессией он ни занимался, поскольку он работает только на себя, он покупает то, что он потребляет (свои продукты), за одну и ту же валюту (свои продукты), чья единица измерения необходимо — его рабочий день. Это правда, что сам труд подвержен изменениям: Прометей не всегда одинаково расположен, и от момента к другому его пыл, его плодотворность то растет, то падает. Но, как и все, что подвержено изменениям, труд имеет свою середину (среднее значение), и это позволяет нам сказать, что в сумме день работы оплачивает день работы, ни больше, ни меньше. Совершенно верно, если сравнивать продукты определенного периода общественной жизни с продуктами другого периода, что стомиллионный день человеческого вида даст несравненно больший результат, чем первый; но также можно сказать, что жизнь коллективного существа может быть дифференцирована не больше, чем жизнь индивидуума; что если дни не одинаковы, они неразрывно связаны, и что во всем существовании боль и удовольствие являются общими для них. Поэтому, если портной, чтобы представить стоимость дня, использует десять раз день ткача, это похоже на то, как если бы ткач отдал десять дней своей жизни за день жизни портного. Именно это и происходит, когда крестьянин платит 12 франков нотариусу за письмо, чье изготовление стоит час; и эта неодинаковость, это неравенство в обменах является самой мощной причиной нищеты, которую разоблачили социалисты и которую экономисты признают очень тихо, ожидая знака от хозяина, который позволил бы им признать ее более громко.

Любая ошибка в коммутативном правосудии — это жертвоприношение работника, переливание крови человека в тело другого человека... Пусть не будет страха: я не собираюсь распространять раздражающую филиппику собственности; я тем менее думаю об этом, что, следуя моим принципам, человечество никогда не ошибается; что, располагаясь прежде всего над правом собственности, оно определило лишь один принцип своей будущей организации; и что преобладание собственности, однажды разрушенное, — то, что предстоит сделать, чтобы вернуть к единству эту знаменитую антитезу. Все, что можно было возразить мне в пользу собственности, я знаю, равно как и то, что никто из моих цензоров, которых я прошу со всем уважением сердечно признать, что диалектика привела их к ошибке. Как могут быть *приемлемыми* богатства, для которых вложенный труд не является показателем? И если труд создает богатство и узаконивает собственность, как объяснить потребление богатого бездельника? Как может быть справедливой система распределения, при которой продукт стоит, по мнению отдельных людей, иногда больше, иногда меньше, чем стоит на самом деле?

Идеи Сэя вели к появлению аграрного закона; поэтому консервативная партия поспешила протестовать против них. «Основной источник богатства, — сказал г-н Росси, — это труд. Провозглашая этот великий принцип, промышленная школа выдвинула на первый план не только экономический принцип, но и тот социальный факт, который в руках опытного историка становится самым надежным руководством для исследования человеческого вида в его движении и его установлениях на земном шаре».

Почему, зафиксировав эти глубокие слова в своем курсе, г-н Росси решил, что он должен отозвать их позже в обзоре и бессмысленно поставить под угрозу свое достоинство как философа и экономиста?

«Скажите, что богатство — это только результат труда; провозгласите, что во всех случаях труд является мерой стоимости, регулятором цен; и чтобы каким-то образом избежать возражений, вызываемых со всех сторон этими доктринами, некоторые из которых являются неполными, а другие абсолютными, вы будете невольно обобщать понятие труда и заменять анализ совершенно ошибочным синтезом».

Я сожалею, что такой человек, как Росси, высказывает мне такую печальную мысль; но, читая отрывок, который я только что привел, я не мог не сказать: наука и истина более не существуют; то, что мы любим сейчас, — это лавочка (магазин), а после лавочки — отчаянный конституционализм, который ее представляет. К кому обращается г-н Росси? Он жаждет труда или чего-то еще? анализа или синтеза? Жаждет ли он всех этих вещей одновременно? Пусть он выбирает, потому что его собственное заключение действует против него.

Если труд является источником всего богатства, если он является самым надежным руководством для изучения истории человеческих установлений на земном шаре, почему равенство распределения, равенство в зависимости от меры труда не становится законом?

Если, наоборот, есть богатства, которые происходят не от труда, откуда берется привилегия владения этими богатствами? Какова законность монополии? Поэтому давайте однажды разоблачим эту теорию непродуктивного права потребления, эту юриспруденцию наслаждения, эту религию праздности, священную прерогативу касты избранных!

Что означает этот призыв к *анализу* ошибочных суждений о *синтезе*? эти метафизические термины хороши только для внушения простакам, которые не подозревают, что одно и то же суждение можно сделать равнодушным и произвольным, аналитическим или синтетическим. — *Труд — это принцип стоимости и источник богатства*: аналитическое суждение, как того хочет г-н Росси, так как это суждение представляет собой краткое изложение анализа, в котором мы демонстрируем, что существует идентичность между примитивным понятием труда и последующими понятиями продукта, стоимости, капитала, богатства и т. д. Однако мы видим, что г-н Росси отвергает доктрину, вытекающую из этого анализа. — *Труд, капитал и земля являются источниками богатства*. Синтетическое суждение, такое, какого не желает г-н Росси; на самом деле, богатство здесь рассматривается как общее понятие, которое встречается в трех различных, но не идентичных видах. И все же доктрина, сформулированная таким образом, является такой, какую предпочитает г-н Росси. Понравится ли теперь г-ну Росси, что мы возвращаем его теорию аналитической монополии и нашу теорию синтетического труда? Я могу предоставить ему это удовлетворение... Но я бы покраснел, если бы продолжил подшучивать над таким серьезным человеком. Г-н Росси лучше всех знает, что анализ и синтез сами по себе абсолютно ничего не доказывают, и что, как сказал Бэкон, важно проводить точные сравнения и полные подсчеты.

Поскольку г-н Росси находился под воздействием абстракций, то что только он не наговорил этой фаланге экономистов, которые с таким уважением собирают малейшие слова, выпадающие из его уст:

«Капитал — это *материя* богатства, как деньги — материя валюты, как пшеница — материал

хлеба», и, продолжая серию до конца, как земля, вода, огонь, атмосфера — материал всех наших изделий. Но это труд, только труд, — то, что последовательно создает каждое полезное качество, данное этим *материям*, и, следовательно, превращает их в капиталы и богатства. Капитал — это труд, то есть реализованные разум и жизнь: как животные и растения являются реализациями вселенской души; как шедевры Гомера, Рафаэля и Россини являются выражениями их идей и чувств. Стоимость — это пропорция, в соответствии с которой все реализации человеческой души должны колебаться, чтобы создать гармоничное целое, которое, будучи богатством, порождает благосостояние для нас или, скорее, является знаком, а не объектом нашей благодати.

Утверждение, что *меры стоимости не существует*, является нелогичным и противоречивым; это вытекает из самых мотивов, исходя из которых была предпринята попытка это утверждение установить.

Утверждение, что труд — это принцип пропорциональности стоимостей, не только верно, потому что оно является результатом неопровержимого анализа, но и является целью прогресса, условием и формой общественного благополучия, началом и концом политической экономии. Из этого утверждения и его следствий, заключающихся в том, что *каждый продукт равен тому, что он стоит, а продукты покупаются продуктами*, происходит доктрина равных условий.

Идея социально значимой стоимости, или пропорциональности продуктов, служит для объяснения следующего:

- a) как механическое изобретение, несмотря на временно создаваемую привилегию и вызываемые ею пертурбации, всегда приводит к общему усовершенствованию;
- b) почему открытие экономического процесса никогда не сможет принести его автору прибыли, равной той, которую он предоставляет обществу;
- c) как, посредством ряда колебаний между спросом и предложением, стоимость каждого продукта постоянно стремится соответствовать уровню себестоимости и запросам потребления, и, следовательно, зафиксироваться позитивно;
- d) как при коллективном производстве, непрерывно увеличивающем массу потребляемых вещей, и, следовательно, рабочий день, все лучше и лучше оплачиваемый, труд должен оставлять каждому производителю излишек;
- e) как тяжелый труд, далекий от того, чтобы его уменьшал промышленный прогресс, постоянно увеличивается в количестве и качестве, то есть в интенсивности и сложности для всех отраслей;
- f) как социальная стоимость непрерывно уничтожает фиктивные стоимости, другими словами, как промышленность управляет обобществлением капитала и собственности;
- g) наконец, как распределение продуктов, постепенно упорядочивая взаимную гарантию, производимую структурой стоимостей, подталкивает общество к равенству условий и состояний.

Наконец, теория последовательного структурирования всех коммерческих стоимостей, подразумевающих бесконечный прогресс в работе, богатстве и благосостоянии, социальной судьбе, с экономической точки зрения, открывается нам: *Непрерывно производить с наименьшими трудовозатратами, максимально возможным количеством и наибольшим разнообразием стоимостей*, чтобы обеспечить достижение для каждого наибольшей суммы

физического, духовного и интеллектуального благополучия, а для всего человеческого вида — высочайшего совершенства и бесконечного величия.

Теперь, когда мы не без труда определили смысл вопроса, предложенного Академией гуманитарных наук, относительно колебаний прибыли и заработной платы, настало время заняться основной частью нашей задачи. Повсюду, где труд не был обобществлен, то есть там, где стоимость не была определена синтетически, в торговле происходят сбои и несостыковки, войны уловок и засад, препятствия к производству, обращению и потреблению, непроизводительный труд, отсутствие гарантий, ограбления, мошенничество, бедность и роскошество, но одновременно — усилия общественного гения, направленные на достижение справедливости и постоянная тенденция к объединению и порядку. Политическая экономия — не что иное, как история этой великой борьбы. С одной стороны, на самом деле политическая экономия, поскольку она стремится и претендует на то, чтобы увековечить аномалии стоимости и прерогативы эгоизма, действительно является теорией несчастья и организации нищеты; но поскольку она представляет средства, изобретенные цивилизацией для преодоления пауперизма, хотя эти средства постоянно превращались в исключительное преимущество монополии, политическая экономия является преамбулой для организации богатства.

Поэтому важно возобновить изучение экономических фактов и процедур, прояснить их дух и сформировать философию. Без этого не получить никакой информации о прогрессе общества, не предпринять реформы. Ошибка социализма до сих пор заключалась в том, чтобы увековечивать религиозные мечтания, отправляясь в фантастическое будущее, вместо того, чтобы постигать реальность, которая его сокрушает; так же, как вина экономистов состоит в том, что в каждом свершившемся факте они видят запрет на любую гипотезу изменений.

Для меня это не то, как я представляю себе экономическую науку, настоящую социальную науку. Вместо того, чтобы заведомо отвечать на серьезные проблемы организации труда и распределения богатств, я поставлю под сомнение политическую экономию как хранилище тайных мыслей человечества, я заставлю факты говорить согласно порядку их поступления, и представлю их свидетельства, не противопоставляя им свои. Это будет одновременно и триумфальная, и печальная история, героями которой станут идеи, эпизоды теорий и даты решений.

Версия #1

Зверобой создал 14 марта 2025 02:44:59

Зверобой обновил 14 марта 2025 02:46:03